

16+

Лилия Мигаро

Счастье по обмену

Лилия Мигаро

Счастье по обмену

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45876507

SelfPub; 2019

Аннотация

Какие же мы, женщины, дуры! Мы любим так, что порой, когда нам разбивают сердце, оно разрывается по-настоящему. И только на пороге у старухи с косой понимаем – не любовь это была. Сама себе придумала, сама и поверила... Вот так и случилось с героиней. Простоя банковская сотрудница вместо предложения съехаться, как ждала, получила предложение расстаться, да еще и друзьями. Но вместо смерти, ее сердце привело в другой мир – к тому, кто докажет: любить и быть любимой никогда не поздно! К тому, кто срастит сердце по кусочку и заново научит любить, как и она его. Только все не так просто.

«СЧАСТЬЕ ПО ОБМЕНУ»

Лилия Мигаро

И закрутилось...

Вы верите в другие миры, магию и счастливые истории попаднок? Я никогда не верила. Нет, я, как и многие, с удовольствием читала книги фэнтезийного жанра, переживала за героев, но всегда была твердо уверена – это сказки. До того момента, как открыла глаза в другом теле, другом мире. Только тело это было совсем не юной девы, красавицы неопишуемой. А престарелой, толстой, не ухоженной старой девы. Ладно, не престарелой, а по мерам этого мира тем более, но так сразу и не скажешь. Совершенно не знавшей мужской ласки и из-за этого так и не активировавшей полностью свой магический дар, не раскрывшей свой потенциал в полную силу. В этом мире девственным магам это не грозит. Но обо всем по порядку.

Мне 35. Я русоволосая с 3 размером эффектная и слегка наглая, дама современного мира. Работаю в банке и ожидаю, заслуженного своим трудом, повышения. У меня красавец парень, с которым, я думала, у нас все серьезно. Он, высокий голубоглазый блондин со спортивной фигурой. Мы красивая пара. И я уже подбирала нашим детям имена. Но весь мой мир рухнул и перевернулся в один вечер. Он пригласил меня в нашу любимую кафешку этим вечером. Мы давно обсуждали возможность съехаться, и я думала вот он, момент

истины, сегодня он решится. Я одела соблазнительное белье, платье с большим и совсем не скромным декольте и летела на крыльях любви предвкушая. Сегодня все решится, он решится. И он решился, но совсем на другое. Он сидел напротив, пил свой любимый зеленый чай с жасмином, терпеть не могу зеленый чай, держал мою руку, смотрел прямо мне в глаза, улыбался разбивая мое сердце на тысячу осколков.

– У нас все было не серьезно. Я, да и ты, не любим друг друга. Нам просто было хорошо и комфортно вместе. Это были отношения без обязательств. – Каждая фраза, каждое слово, словно плевок яда прямо в душу. – А сейчас, сейчас я полюбил. Она замечательная, вы обязательно подружитесь. Я решил честно все тебе сказать. Я не хочу ее обманывать. Я люблю ее. Спасибо тебе за все, ты настоящий друг.

Я сидела напротив, улыбалась и с огромным трудом сдерживала слезы. Мне стоило титанических усилий не вырвать свою руку из его, не закатить скандал. Я все давила в себе. Мое сердце разбивалось, как тогда, когда я узнала, что мамы больше нет. Как тогда, когда умерла бабушка. Когда предал отец. Грудь сдавливало от боли. Я друг. Он любит другую. Он извинился уходя и поцеловал меня в макушку. Это было словно удар молота по наковальне, все тело пробило словно я взялась за оголенный провод под напряжением. Он расплатился за себя и ушел к ней, к Людочке ожидавшей за столиком у выхода. На чистом упрямстве я проводила его с застывшей улыбкой на лице. А может быть не отпускаю-

щая боль не дала сползти улыбке с лица. Людочка, дочка совладельца банка, того самого, в котором я работала. Глупая, вечно хихикающая, числящаяся помощником нашего главбуха. На самом деле она не работала, ей все улыбались и слушали в пол уха ее лепет о плохой прислуге, ужасной укладке, обсуждение клиентов и жалобы на папу заставившего, ее несчастную, работать. Любил он ее как же, он любил перспективы и деньги ее отца. Ну вот, плакало мое повышение. Столько сил, столько работы и не оплаченных сверхурочных. Я вложила в это повышение все, все свои силы и время, а теперь придется переводится в другое отделение или вообще уволиться. Осознание перспективы разлилось новой болью в груди. Сердце сжалось сильнее. Они поцеловались и ушли в обнимку. Я разрыдалась, уже не от предательства или обид, а от боли в груди. Я начала задыхаться. А потом сознание поплыло темной марью, забирая и боль, и отчаяние, и все мысли.

Очнулась я под рычащий баритон не знакомого мужчины. От его громкого и явно недовольного голоса я сжалась от страха. А потом визгливый женский крик огласил:

– Очнулась! Жива! Ректор Верджиனால்д, **ОЧНУЛАСЬ!**

Я открыла глаза и увидела худенькую, с мешками под глазами, платиновую... медсестру, судя по белому халату. Она счастливо смотрела на меня. Явно радуясь тому что я жива, даже счастливую слезу смахнула. Потом услышала шаги, словно раскаты грома, и они приближались. А через пару

минут надо мной навис жгучий брюнет с красивым лицом и ...алыми глазами. Я завизжала, попыталась отодвинуться. Боль. И опять я уплыла теряя сознание.

Привидится же такое, подумала я, вновь приходя в себя. Я открыла глаза. Тот самый брюнет стоял в проходе между кроватей в пол оборота. Широкие плечи, накачанные руки, подтянутый, весь в черном. Рубашка с коротким рукавом буквально норовила пойти по швам обтягивая его формы. Черные брюки классика облегали его привлекающую внимание попу. Мой взгляд опять поднялся вверх. Рубашка обтягивала скрывая мощную спину, и одновременно подчеркивая ее ширину. От света переливались черные, словно воронье крыло, волосы касаясь плечей. Он что-то ответил пожилому человеку в белом халате, напротив. И от его тихого баритона с порывающимися нотками внизу живота взлетели бабочки. Все, никаких больше блондинов! Мой тип мужчин сейчас стоит в проходе моей больничной палаты. Я оглянулась, моя кровать была под окном посередине, по бокам было еще по четыре кровати и столько же напротив у глухой каменной стены. Странно, серый камень вместо привычной для больницы, облупившейся забеленной в несколько слоев побелки. Белый, высокий потолок и какие-то люстры, как белые шары, над каждой кроватью и вдоль прохода. У каждой кровати тумбочка и стул. Я прислушалась. Говорил пожилой мужчина в белом халате, видимо врач. Он был ниже ростом чем брюнет, крепкий. Его голова уже окрасилась се-

диной и разбавила редкие каштановые волосы благородной платиной. Он отчитывал стоящего напротив брюнета, словно нашкодившего мальчишку.

– Мы с огромным трудом вытащили ее из царства Темного. Ее душа еще до конца не привязалась к телу. А вы, ректор, словно мальчишка, давите на нее. Не забывайте, она не активированный маг. Ей в сотни раз сложнее. Да, и душа не хотела возвращаться, вы же помните, чего нам стоило ее возвращение. У меня два старших курса целителей с магическим истощением еще, как минимум, неделю бездельничать будут. А вы, чуть не свели все наши старания к нулю.

– Простите магистр Никас.

Я с выпученными глазами уставилась на мужчин, целители, маги, магистр... что происходит? Этот самый магистр будто почувствовал, что я пришла в себя.

– Хильда! Милочка, прекращайте так пугать нас. Вы же знаете, ректор Верджианальд скорее нас всех упокоит, чем лишится вас. Как вы себя чувствуете?

Он говорил, и они подошли ко мне. Доктор сел на край кровати, а брюнет, он опять нависал. Но теперь его глаза не казались мне красными, привидится же. Черные омуты и я в них тонула, растворялась.

– Хильда. – Ласково так произнесли губы брюнета. Пухлые, наверняка мягкие и опытные, такие аппетитные и желанные. – Вы же знаете, как нужны мне. Не смейте больше умирать.

– Хорошо, – с придыханием казала я не отрывая взгляда от гуд. Я нужна ему... – Только я не Хильда.

– Это что еще за шутки?!

Взвыл брюнет и его глаза стали наливаться кровью. А меня окутал страх, дикий ужас и чья-то не видимая сила словно давила. Я всхлипнула. По щекам поползли слезы мокрыми дорожками. Обида нахлынула волной вытесняя и страх, и ужас. Один бросил, другой орет. А он, брюнет, замер. Давление спало, а белки глаз опять стали белыми.

– Это что еще за сырость? – Как-то не уверено и с опаской брюнет спросил у доктора, как будто вообще никогда не видели женских слез, довели до истерики... Доктор тоже смотрел весьма удивленно. А мне стало совсем обидно. Даже утешать не торопятся. Вообще для себя я уже решила, что я в больнице и вижу глюки, наверное, от лекарств. Но и в собственных глюках меня не любят, ругают и вообще.

– Вы не правильные глюки, орете на меня, глупости всякие обсуждаете. А мне может сейчас ласковое слово, лучше любого лекарства поможет. Меня между прочим парень бросил.

И я сорвалась в обычную женскую истерику. Со слезами, подвываниями и всхлипами.

– Какой еще парень, к Темному? Хильда! Магистр, она что умом тронулась? Вы что сделали с моей помощницей?

Магистр взял мою руку в свою, ее оплело золотистое свечение и по руке поскакали искорки. Улыбнулся мне так лас-

ково, нежно, по-отечески и сказал:

– Спать. – И я опять уплыла, только теперь не в темноту теряя сознание, а в сон. Странный такой сон. Там была я, тот самый магистр-доктор и какая-то огромная, даже жирная дамочка. С засоленными, не ухоженными волосами, свисающими черными замусоленными сосульками. Обгрызенные короткие ногти, которые она и сейчас пыталась грызть.

– Как зовут тебя дитя?

– Я Лика, Анжелика Воронцова. – Почему-то не хотелось ни пугаться, ни спорить, ни бежать. Я понимала абсурдность ситуации, но верила в нее и этому человеку, магистру-доктору, я тоже верила.

– Я магистр академии магии, целитель Никас Верховой. Лика, постарайся не нервничать. Дело в том, что ты умерла. Умерла в своем мире и для своего мира. Твое сердце не выдержало, и ваши целители не смогли тебя спасти, до того, как душа покинула мир живых и отказалась от тела. Но твой путь в мире Светлой Богини не окончен, поэтому душа отозвалась на наш зов и смогла вернуться. Но не в тот мир где ты родилась, для него ты мертва. Это Хильда, Брунхильда из рода Ревер. – Этот магистр, целитель, доктор, словом этот чудик, указал на ту самую огромную даму. Но смотрел он на нее по-отечески добро, как и на меня. Стало, как-то теплее на душе. – Она из моего мира. Она на четверть эльфийка, сирена, человек и демоница. Помнишь мы удивились твоим слезам? Сирены, даже на четверть, не плачут, их слезы силь-

нейшее любовное зелье и огромная редкость. Но я не о том хотел сказать. Она тоже умерла, ошибка одного студента нашей академии привела к этому несчастному случаю. И хотя раны были не смертельны, ее душа тоже не пожелала вернуться, как и твоя. Вы умерли в одночасье и магически совместимы. А главное, ваши души одинаковы как зеркальное отражение. Вы одинаково несчастны, подобны в стремлениях и переживаниях. Ее душа отозвалась на зов, по той же причине, что и твоя, но в свой мир вернуться не может. У вас есть выбор. Вернуться в царство Темного – мир мертвых. Или жить, но в других мирах, других телах. Я могу помочь вам, облегчить жизнь объединив память прожитых лет. Вы обе будите помнить, знать и уметь все то, что каждая из вас до момента, когда душа покинула тело. Но на новую жизнь вы должны согласиться сами и обе. У вас не больше получаю, подумайте, познакомьтесь, обсудите.

И этот чудик растворился.

– Привет. – Не уверенно с нервным смешком я проявила вежливость и обратилась к еще одному моему глюку. – Я Лика.

– А я Хильда. Ты не девственна, и ты такая красивая, тебя, наверное, очень любят. – Она говорила не обвиняя и не осуждая, без обид и зависти, скорее с долей восхищения. Потом глубоко и очень печально вздохнула. – А на меня никто и никогда не смотрел с вождением. Со страхом, с уважением, но не с желанием. Разве что только с желани-

ем стать зятем моим родителям. Все, кто сватались покоряли сердца родителей, некоторые даже как меня зовут не знали... Мать глава шабаша ведьм, и самая сильная ведьма нашего королевства, отец замминистра магии. Богаты, известны, перспективны. Знаешь, ректор академии магии первый, кто не боялся моего дара и наплевал на моих родителей. Он никогда не притворялся со мной и был честен. Он с порога сказал, что я друг и коллега. Что четверо детей ему больше чем достаточно и жены ему не нужны. А в любовницы я не гожусь, причем не столько из очевидных причин – она обвиняла свои размеры – по началу я была другой, сколько из-за рабочих отношений. Ректор противник служебных романов. А он такой несчастный, его бывшие жены бросают не только его, но и его детей ему. Он на самом деле очень добрый, он уважает и ценит меня. Тебе понравится работать с ним.

– Ты это о чем, прости?

– Ну как, если ты согласишься вернуться к жизни, то попадешь в мое тело и мою жизнь, никто, кроме магистра Никаса не будет знать о подмене и не должен.

– Так ты уже решила? В моем мире нет магии, наверное, только шарлатаны. И живут там только люди. Да и моя жизнь не так прекрасна. Меня бросил парень. Ушел к богатой и глупой дочке моего шефа. Мой отец завел новую семью после смерти мамы, и мы не общаемся. Он обиделся на меня, моя бабушка, его мать, отписала мне свою квартиру почти в центре. А я отказалась жить там с его новой семьей

и разменивать или продавать тоже отказалась. У его жены уже есть двое своих детей и один их общий. И умерла я, от разбитого сердца. Мой парень сообщил мне о разрыве. «Я люблю ее и не хочу обманывать», «ты хороший друг» – снова хотелось плакать и стало тяжело на груди. – А мы должны были съехаться и жить вместе, семьей, понимаешь.

– Но тебя хотя бы любили, твоя мама, бабушка, да и парень, любил или делал вид. Ты знала мужчин, их ласки. А я даже не целовалась еще. Матушка предлагала купить время опытного мужчины, чтобы хотя бы полностью активировать магический дар. Но я отказалась и сбежала в академию. Ректор Верджинальд отвадил всех подосланных родителями женихов-охотников и оплаченных мужчин. Он взял меня под свою защиту и опеку. Даже в открытую противостоял батюшке, разругался с ним. Хотя потом отец сам приходил на мировую. А он у меня гордый, как ни как на половину демон, а на другую эльф. Но я не отговариваю тебя и не жалуюсь. Наоборот. Я думаю лучше жить. Жить чем умереть не целовавшись. Или умереть из-за предательства бывшего парня. Ведь тогда все впереди. Как ты думаешь?

Мне стало искренне жалко Хильду. И себя тоже жалко стало, очень. Ну не достоин этот червяк, мой бывший, моей смерти из-за нашего разрыва. Я улыбнулась ей, горько, но честно и утвердительно кивнула. А Хильда ответила мне счастливой улыбкой и обняла. Позже появился магистр Никас. Он проговорил заклинание и золотое свечение окутало

меня и Хильду взяв в плотное кольцо, нет круг и сквозь него ничего не было видно. Только иногда на самом золоте этой магии вспыхивали символы, похожие на наши древние руны. Они словно звездочки пылали холодным серебром. Последнее что я помнила из того сна не сна, это как круг растворился и передо мною и Хильдой стоял магистр, а когда глянула на Хильду, то увидела не ту тучную даму, а полупрозрачный яркий и без форменный образ, как описывают на земле души, без лица и пола. И фразу магистра «Пора девочки, вам еще предстоит стать счастливыми».

Очнулась я в уже знакомой палате через двое суток. Точнее в общем лечебном корпусе академии магии, в женском отделении. Я помнила, знала, о Боже, так все это правда, не глюки и не сон. Вокруг стояла толпа студентов целительского факультета во главе с магистром Никасом. У изголовья стоял ректор Верджиальд, тот самый в которого тайно была влюблена Хильда, боясь даже себе в этом, признаться. Ректор громким шепотом, хотя его шепот сравним с моим полукриком, выговаривал, весьма нелестно и злобно всем бездарям, шарлатанам, неучам не до целителям полудохлым. При чем полу дохлыми он обещал их сделать лично. Он вообще не скупился на угрозы и подтверждал их сверкающими молниями на кончиках пальцев и срывающимися с кончиков волос. Он требовал вернуть ему его помощницу в целостности и сохранности, здоровую, а главное немедленно. Я хмыкнула, надо же какой я теперь ценный кадр, прямо не заменимый.

Ректор затих на полуслове, опустил свои черные омуты глаз на меня и кровь в них начала таять, а огонь ректор очень старался скрыть и сдержать. О, он зол, очень зол, но не на меня. А потом этот ректор-огонь, как-то не естественно приторно пропел своим рычащим баритоном, и все, я поплыла.

– Хильда, свет моих очей, ты жива и пришла в себя. Вставай, умница моя и идем работать, у нас комиссия в нескольких часов езды. Я порталы городские из строя вывел, они верхом добираются, упорные, так что будут злы и не терпимы больше обычного. Вставай счастье мое.

Он улыбнулся, хотя нет, скорее оскалился. А потом резко откинул мое одеяло. А под ним я, огромная, толстая, не ухоженная, теперь это я и я в одной нательной рубаше, страшненькой, хлопковой больничной рубаше.

Комиссия значит, как же помню, из воспоминаний Хильды помню. Комиссия объезжала все академии, но нашу этот состав особо не любит. Там был не состоявшийся мой, Хильдын, женишок, который не получил путевку в кресло начальника из-за моего отказа сочетаться браком. Он устроил дикий скандал и был выброшен за забор академии собственноручно ректором.

А еще в составе была дама, которую выжили из претендентов на постель ректора, его же дети.

Ну и для полного несчастья, там была моя дальняя родственница, почти чистая эльфийка с очень редким магическим даром для чистых эльфов, она была ведьмой. И не про-

стой, она ученица моей матушки, лучшая и любимейшая. Ну и она имела виды на моего ректора и мое место.

А председатель этого серпентария давний друг и соратник моего отца. Почти чистый демон в почтенном возрасте, магистр Герк. И он тесть моего шефа, один из. Он добр, умен, но, как и все демоны очень вспыльчив и в гневе опасен. А с ректором Верджинальдом у них не совсем ровные отношения, точнее совсем не ровные. В целом он уважает моего шефа, но он дико зол на ректора, за то, что последний не сохранил семью и его дочку в семье.

Пауза затянулась.

– Знаете, ректор Верджинальд, если вы не планируете продолжения со мной наедине, под этим самым одеялом, то стоит его мне вернуть. И попросив всех выйти, удалиться самому.

Неучи, бездари и не до маги, в лице будущих целителей, полу мертвыми стать не планировали, а в свете моих последних слов им светила перспектива попрощаться с жизнью окончательно, что их привлекало еще меньше. Поэтому будущие целители, испугано втянув головы в плечи, рванули на выход. Магистр Никас весело хмыкнул. Подал мне одежду, лежавшую на соседней от него кровати, добро, даже как-то любовно, по-отечески, улыбнулся мне и подмигнув тоже ушел. Правда по пути попросил выпить настой на тумбочке и прийти еще пару раз на осмотр.

Ректор стоял молча. Лицо отражало недоумение, даже

шок. В руках по-прежнему было мое одеяло. Да, из воспоминаний Хильды я помню: она скромная, замкнутая, молчаливая. Одним словом, забитая. Но так же она исполнительная, надежная и не заменимая в работе. А ее особый талант, доставшийся ей от сирены прародительницы, одним касанием умирять бурю в эмоциях вспыльчивых демонов... Этот талант редкий и скрытный, мало кому хочется брать под уздцы бурю, ведь все эти эмоции сирены пропускают через себя, и поэтому тоже, Хильда, особо ценима ректором. Но я не такая, а может и такая, но не хочу быть такой. Я не о теперь своей не заменимости, а за забитости и молчаливости. У меня появился шанс, шанс на новую жизнь и я намерена им воспользоваться и не повторять своих ошибок, и ошибок Хильды тоже. Я молча встала, скинула больничный халат, я же в белье, в моей прошлой жизни это не так уж и за нормами приличия. Накинула платье, застежки сзади. Я повернулась к ректору лицом.

– Помогите застегнуть, у нас много работы. И прикройте рот – это крайне неприлично.

Он не меняясь в лице отпустил одеяло, рот был действительно закрыт и ни слова не говоря, ректор подошел ко мне, прямо по кровати и обутой. Молча застегнул платье на мне. М-да, талии нет, волосы грязные, а платье, темно-коричневое, выцветшее и застиранное, да еще почти монашеское. Так, это потом, внешностью займемся позже. Все исправим позже. Сейчас о делах.

– Комиссию надо отвлечь. – Нарушила я молчание, такое не ловкое для ректора. – Где ваши чертенята, я о детях?

– Кхм, старшие на лекциях, а младшие, наверное, уже дома.

– Срочно всех к вам в кабинет. Срочно. А я скоро буду.

Я прошла мимо ректора к выходу, не оглядываясь. И так, нужны легкие закуски, сладости, вино и расческа. Последнее для меня. В моей голове созрел план. Точнее из воспоминаний Хильды я стряпала план действий. Отец, как и его соратник и друг, глава нашей комиссии, мечтают создать магические школы, отделив их от обычных общеобразовательных, так сказать. Их проекты встречают овациями и хоронят на полках в архивах. Они делают все с размахом, а финансирование их размаха не предусмотрено бюджетом и вряд ли когда-нибудь будет. Потому мечты остаются мечтами на бумаге и в головах активистов. Нам, нашей академии, нужно финансирование, очень, особенно после не удачного эксперимента бывшего студента академии, который чуть не убил, или все же убил, Хильду и разнес пол корпуса лаборантских академии. А этот состав комиссии денег не даст, это уж точно. Если только обойти комиссию. А это не возможно, без гениальной актерской игры, судя по воспоминаниям Хильды, чертенят, особенно младших, в лице внуков и детей. В кабинет ректора я входила без стука, он сам, еще пару лет назад, дал мне не ограниченный доступ и к кабинету, и к дому. Тем более, что мой рабочий стол находится в его кабинете. За мной

шли пару крепких студента с полными руками. Поставив все на журнальный столик в углу огромного кабинета ректора, они пулей вылетели не прощаясь и спотыкаясь. Я осмотрела кабинет. Журнальный столик окруженный диванами в коже, удобно разместился в углу у окна ближе к дверям. Вдоль стены были шкафы с книгами, амулетами, баночками и бутылочками с зельями, и редкими, и опасными ингредиентами к ним. За шкафами стоял рабочий стол Хильды, спрятанный от всего мира и не видим посетителям. У стены напротив двери, по центру, стоял огромный стол из темного дерева с удобным кожаным креслом, где сидел озадаченный ректор, рядом стояло чуть меньше по размеру спинки, кожаное кресло Хильды. Его деятельная натура, привыкшая все контролировать просто вырисовывала удивление и шок от поведения Хильды в частности, и всего происходящего в общем. От стола ректора, ножкой буквы «Т» стоял узкий стол почти на всю длину кабинета, по обе стороны от стола стояли стулья. Весь кабинет был в темных тонах, разбавленных светом из панорамных окон вдоль всей стены и в классическом офисном, деловом, немного строгом, но признаться, роскошном стиле. Вся мебель из темного дерева или с его вставками.

– Итак, начнем игру. Ректор Верджиальд, если я утрою финансирование студгородка и увеличу лимиты расходных материалов в пять раз, то вы создадите мне отдельный, мой личный, рабочий кабинет. А еще в два... нет, в три раза поднимите оклад. И я хочу дополнительный выходной раз в ме-

сая. По рукам?

– Кхм. Хильда, что с тобой? Тут бы получить хотя бы то, что требуется. Да и вообще, зачем тебе дополнительный выходной? Ты и этим не пользуешься.

– Ну, как скажите. Если вам моя помощь не нужна... Я на больничном. – И я развернулась к выходу и даже руку к ручке двери потянула.

– Стоять! – Взревел мой шеф. А ничего так, темпераментный мужчина.

– Зачем? Меня вы не слушаете...

И он действительно не слушал меня. Я смотрела в его глаза и его омуты заволакивала злость заливая кровью.

– Если все сделаешь как надо, увеличу оплату. А выходной, нет, выходных у тебя и так хватает, раз в неделю. Куда больше?

– Ну знаете...

Дети, сидевшие по двое перед отцом за узким столом смотрели на меня как на богиню. Конечно, их отцу мало кто отваживался перечить. А Хильда, они знали ее как забитую тихоню. Нет, она всегда примеряла их отца, прикрывала их шалости. Советовала, когда молчать, а когда самим бежать с повинной. А тут я, перечу и не молчу соглашаясь, а спорю.

– Я женщина, ректор Верджиальд, даже если этого не видите вы, может увидеть другой. И где и чем я хочу заниматься в дополнительный выходной – не ваше дело!

В глазах шефа уже гулял огонь, не зол, в гневе. Появи-

лось чувство давления. Захотелось свернуться калачиком и подчиниться, а лучше спрятаться под стол. Дети синхронно вскочили и посеменили к выходу.

– Стоять! Кхе... – да, кричать не мое. – Сидите смиренно, все. – Я злобно зыркнула на ректора. – Будите давить магией – уволюсь.

Давление спало, огонь в глазах потух, на лице отобразилась испуг в пересмешку с удивлением. Вот такая я не заменимая. Кровь из омутов исчезала. И я подумала, что кабинет удивительно гармонирует с цветом глаз ректора.

– Итак, в виду особо тяжелых условий труда, между прочим, в вашем лице ректор Верджинальд, дополнительный выходной требую за ваш личный счет. Будите знать, как магией давить.

Младшие сиганули под стол. Но ректор не взорвался и не закричал, он глупо приоткрыл рот в удивлении. А потом посмотрел на меня как на больного, при чем психиатрического отделения и так заботливо, елейно поинтересовался.

– Ты, наверное, еще не пришла в себя, да? Совсем плохо?

– Да! Будет тут хорошо. Шеф изувер, от которого собственные дети под столом прячутся. – Я ткнула пальцем на выглядывающих из-под стола младших. – Подчиненные его избегают всеми правдами и не правдами. Студенты от страха теряют речь или вообще сознание. А я? На меня еще и магией давит, авторитетом ущемляет. Кабинет зажал, ючусь за шкафом в полутьме и пыли, как мышь. На работу, с того

света возвращает и ни слова ласкового – иди трудись рабочая единица, рабыня, а не сотрудник. И за все мои страдания еще и один несчастный дополнительный выходной зажали. Да в царстве Темного спокойнее было. Вы меня зачем возвращали? Нужна? Цените!

Шеф прокашлялся, на лице была озадаченность и удивление в пересмешку с шоком. Он украдкой поглядывал на мой закуток за шкафами.

– Хорошо, зарплату повышу, выходной дам...

– За ваш счет!

– Хорошо, надеюсь. Может моим кабинетом обойдемся? Вон туда стол, к окну поставим, ближе ко мне будешь.

– Я вам не собачка карманная, под рукой быть. Я личный помощник. Нет кабинета – нет помощника.

– О боги, что с тобой сделал Темный? Хильда...

Я развернулась и взялась за ручку двери

– Стоять! – Шеф взревел, даже, кажется, стекла задрожали. – Да черт с тобой, все будет. Приступай к работе. И зачем тебе дети?

Я повернулась хитро улыбаясь и потирая руки. А потом посмотрела жалостливо так, как кот из Шрека, на детей, они от удивления аж отпрянули от меня.

– Вы бедные сиротки, всеми покинутые. Мам нет, бабушки и дедушки редкие гости. Отец весь в работе. Уроки делаете в его кабинете, рядышком с отцом. – Я подмигнула младшим, и они синхронно икнули. Ткнула пальцем в Нику. – Ты

даже слезинку пустишь на плече любимого дедули. Магией заниматься нет где. Магических школ, а он обещал, нет. – Я ткнула пальцем в Ната. – Ты тоже слезу вовремя утри.

Нат, возмущенно запыхтел, хотел возмутить, куда ж ему, такому «взрослому мужчине» слезы лить. Но я то знаю, точнее помню, всю их подноготную. Поэтому не дав вставить слово протяжно, как будто вспоминая, обратилась к Нату.

– А помнишь практику целителей....

– Понял, сделаю.

– И оденьтесь как ангелочки, только с поправкой на то, что вы бесенята. У вас не больше десяти минут на сборы. Вы послушные дети, пришли делать уроки к заботливому папе, и делаете так всегда.

Младшие оценивающе меня осмотрели и унеслись. Именно их родной дед глава комиссии и на него основная ставка. Вообще, дети ректора хорошие. Просто им нужна мама, а все дамы, претендующие на их отца ищут выгоду в лице ректора. Богат, сильный маг, хорошая должность и возможность повышения, ему постоянно предлагают перевестись в министерство. Вот дети и увлеклись шалостями, сначала с целью отвадить очередную охотницу, а потом и просто, ради привлечения внимания, наверное. Младшие, близнецы Нат и Ника, очаровательные зеленоглазые брюнетки. Нат, Ната-ниэль, серьезный, копирующий своего старшего брата, Серджа. А Ника, Николетта, взбалмошная хохотушка. Но вместе это гремучая смесь, они доведут или изведут любого. Это не

иссекаемый фонтан идей. Старшие дети от других и разных мам. Сердж, Серджинант, он действительно сирота. Его мама умерла после родов. Он серьезен, сдержан и ответственный. Внешне он копия отца, только помоложе и поменьше в плечах. Он всегда держит эмоции под контролем и язык за зубами. Своей улыбкой он одаривает только своих сестер и брата. Редко участвует в их шалостях, но не мешает и повинную несет с ними. Ну и прекрасная Лис, Лиссандра. Она красивая, юная дева, умна, действительно хороша собой, но очень доверчива. Поэтому братья и младшая сестра постоянно за ней приглядывают. Жгучая брюнетка с темно синими глазами. Мать Лис, как и близнецов, бросили их оставив отцу, моему шефу и завели новые семьи. Шеф обожает всех своих детей и балует их, иногда чрезмерно.

– Теперь вы, хорошие мои. Лис, тебе надо пожаловаться, как вам не хватает мам, особенно младшим. А потом глядя в глаза наглым охотницам расписывая достоинства отца всплакнуть. И задать такой вопрос дамам из комиссии, особенно одной ведьме по происхождению эльфийки, не хотят ли они стать мамой четверем детям. Именно мамой, а не женой вашему папе. Типа дети свои в наличии четырех особей, своих не предлагать. – Я и Лис ехидненько так захихикали. – Сердж, присмотри за чертенятами, чтобы не переиграли или не заигрались. И вовремя всех уведи, когда коснется все обсуждения деловых вопросов. Если что, я подам знак.

Он понимающе хмыкнул и кивнул. Все ушли за реквизи-

том, по легенде они пришли уроки делать, так что книги, пособия, тетради, ручки и прочее необходимо.

– Не сидите сиднем. Накрываем на стол.

К появлению комиссии все было готово. Шеф сидел обложившись бумагами я рядом. Дети делали домашку за узким столом. А журнальный столик был накрыт закусками, сладостями и фруктами, все аккуратно прикрыто салфетками. Рядом на тумбе, ее шеф от куда-то приказал притащить, стояло вино, коньяк и бокалы.

– Ну знаете ли... – Это была охотница – Так еще не одну комиссию не встречали.

– Так мы и не встречали – ответила я в тон. – У нас работы хватает. Нам некогда кланяться проверяющим и ковровые дорожки стелить. Да и не за чем. Когда скрывать и таить нечего, и пресмыкаться не надо.

– Не слишком ли много позволяет себе помощник ректора? – О, а это уже мой, охотничик.

– Нет, я же не через постель свою должность заняла. Все сама. Ах. А у вас опять предложения? Надеюсь не частей тела, в смысле брака?

Он побледнел и оглянулся на остальных членов комиссии. А я в душе начала волноваться. Тут были все кроме такого нужного дедули.

– Ну поскалазубили и приступим. – Это уже моя родственница вошла во вкус и нацелилась на моего шефа. Я оглянулась им за спины и начинала паниковать, пока внутренне, но

в серьез. Мой бегаящий взгляд поймал Сердж и пришел на выручку.

– Отец, а разве может комиссия в не полном составе проводить проверки? – И тон такой, сама наивность.

– Нет сын, согласно п. 8 ст. 307 о правилах формирования проверяющих комиссий и проведения проверок, состав комиссии строго регламентирован. И комиссия считается не компетентной, если состав не полный. Такой состав к проверке не допускается.

И именно в этот момент в кабинет влетел такой нужный нам дедуля.

– Деда! – Завизжали младшие и кинулись ему на шею обниматься.

– Бесенята мои драгоценные! – Прогромыхал деда подхватывая и кружа внуков. Старшие подошли спокойно, пусть и не к родному деду. Они были так же крепко схвачены могучим дедом и заключены в почти удушающие, но любящие объятия. Все четверо были расцелованы и обхвалены дедом. Даже я, с приветом, явно придуманном, была заключена в объятия чужого деда. А дальше пошла игра. Если бы в этом мире была бы премия Оскар, то эти дети ее бы получили.

– Дедуля, мы так соскучились.

– Поэтому здесь?

– Нет. Папа не говорил, что ты будешь.

– Он только сказал, чтобы уроки делали быстрее, тогда сюрприз будет приятнее.

– Если бы мы знали, что сюрприз это ты. Мы бы уже все давно сделали.

Ай, молодцы чертенята! Близнецы болтали без умолку, перебивая друг друга. Они создавали видимость для всех не ведущих, будто говорят не думая, все что пришло в голову.

– Мы тут всегда делаем домашку.

– Все вместе, по-семейному.

– Папа работает целыми днями с Хильдой.

– У Лис много лабораторных, а у Серджа практических.

А мы скучаем.

– Ни сестры, ни брата, ни отца...

– Вот Хильда и предложила семейные посиделки с домашкой.

– Она даже у папы домашку проверяет и на ошибки указывает.

– Видишь сколько ее у них.

– Да дедуль, – с трудом сумел вклиниться в поток Сержд – младшие под присмотром. Да и с магией с ними могут попрактиковаться на полигоне или понаблюдать в лабораториях.

– Дедуль, а ты еще не открыл магическую школу? – Чуть ли не плача спросил Нат.

– Ты помнишь, ты обещал, что уж для своих внуков откроешь. – Всхлипнула Ника. Нат театрально отвернулся якобы пряча и вытирая слезы. Шеф был в шоке. Он еще от моего поведения не совсем отошел, а тут такой спектакль, он даже

молчал и не вмешивался, что ему ну совсем не свойственно. Переводил молча с широко открытыми глазами, от удивления, взгляд от одного к другому говорившему и глубоко дышал, раз даже ущипнул себя под столом. Он явно потрясен.

– Ну, ну, не разводите сырость. Я стараюсь. Вон и Хильды батюшка старается.

Я потупила взгляд вспоминая все что угодно, лишь бы покраснеть и мне удалось, я почувствовала жар на щеках. Это хорошо, должна же я от играть не хуже мелких демонов.

– Да, он тоже обещал, когда я была в вашем возрасте. Обещал мне школу магии... Ой, магистр, а у ректора Верджинальда есть идеи, только он забывает с тестем поделиться ею. Говорит, что ваши встречи слишком эмоциональны и дела в таких условиях не решают. Давайте я вам расскажу, мне эмоциональная обстановка не мешает. О, у меня и бумаги с расчетами есть, сейчас покажу.

Я упорхнула к закутку за шкафами и достала записи Хильды с самой нижней шухлядки под кипой других бумаг. Там она похоронила свои идеи. Хильда хотела не просто создать школу магии, она все рассчитала и составила целый бизнес план. Все гениальное – просто. Она хотела открыть эти школы при академиях, как у нас колледжи. И этим сэкономить кучу денег на территории, библиотеках и персонале, как и на лабораториях и полигонах. Затраты при этом на десять школ будут как в расчетах ее отца и магистра на одну. Но ее стеснение и страхи, а также отсутствие поддержки от соб-

ственных родителей заставляли ее молчать и хоронить свои идеи. Когда возвращалась с бумагами, поймала взгляд шефа, озадаченный, обеспокоенный и удивленный. О, да, милый, я теперь совсем другая. С магистром я продолжила не уверенно елеинным голосом.

– Смотрите магистр. Это мои записи и расчеты его идей и мыслей.

Магистр смотрел на меня сначала снисходительно. Начал просматривать бумаги вскользь, лишь бы уважить. А потом вернулся к началу и стал увлечено изучать вникая в детали. А два дьяволенка были рядом вовремя мешая дедули.

– Прошу к столу уважаемая комиссия, перекусите, пока вы опять не в полном составе.

Охотнички смотрели на меня с ненавистью, совершенно не стесняясь. А вот моя родственница внимательно следила за моим шефом, строила глазки лоя каждый его жест и взгляд. Но это не помешало им усесться за столик и утробовывать закуски и сладости. Я и Лис подали кофе, тайно подлив коньяк с зельем, помогающим развязать язык. О, какие лица были у этой части комиссии, когда почувствовали алкоголь в кофе, но они быстро взяли себя в руки и не подали виду. А в это время дедуля изучив настоящий бизнес план, там был бюджет, учебные планы, списки требуемого из расчета, имеемого в академии и все просчитано и выложено в бумажном виде. Магистр не обращая внимания ни на что и ни на кого выскочил из кабинета схватившись за переговор-

ный артефакт. Он захлопнул дверь, но говоря порой так восторженно кричал, что было слышно и через закрытую дверь.

Как по маслу! Теперь надо отвадить ведьму, но и тут без деда ни как. Дети вернулись к домашнему заданию, а я и шеф к работе. Иногда дети задавали вопросы, мы отвечали разъясняя, иногда старшие отвечали младшим. Мы так увлеклись своими делами, что уже давно не притворялись, не заметили и возвращение магистра. Он сидел на диванчике, комиссия была в полном составе, и магистр с лицом сытого и довольного кота таскал сладости запивал их вином и наблюдал за нами.

– Вы как семья, честное слово. Если бы я не знал природу ваших отношений, подумал, что вы одна большая и счастливая семья.

Мне стало обидно до слез. Меня не воспринимают как женщину, совсем. Даже дети не видят во мне претендентку на роль жены для их отца. Да, сейчас я не в лучшем виде, я это еще исправлю, но я же хороший человек, Хильда хороший человек и всегда любила этих чертенят. Слезы сами потекли по щекам, и я повернулась спиной ко всем. А потом увидела, что мою слабость, мои слезы остались не замеченными всеми, кроме шефа. Его лицо было задумчивым, взгляд изучающим, он что-то решал для себя.

– Магистр, о чем вы. – Ведьма, вот ей богу, ведьма. – Разве Хильда семейный человек, сбежала от родителей, от их воли и от такого жениха.

Ведьма имела в виду конечно же своего коллегу, не сложившегося муженька, охотника за моими родителями. Мои плечи сами опустились ниже, а голову словно вжали в них. Я так и сидела спиной ко всем и только к шефу полу боком.

– Ой, дедуль, нам так не хватает мамы. Вот где найти такую, чтобы четырех детей полюбила и папу нашего, а не его силу и положение. Одни охотницы – Лис говорила деду, но смотрела сначала в упор на эльфийку, а под конец в глаза не состоявшегося женушки. Молодец, вовремя она, я уже начала расклеиваться.

– Да, не везет нам с Хильдой – вдруг заговорил шеф, – сплошные охотники за добром.

– А вы, – вернули в нужное русло разговор вездесущие близнецы, злобно зыркнув на отца и заискивающи нежно так глядя на эльфийскую ведьму продолжая – любите детей? Вот нас четверо и больше нам не надо. Вы бы с нами домашку делали? Блинчики жарили бы на завтрак? С работы ушли бы?

Ведьма подавилась и закашлялась.

– Нет! Я хочу работать и строить карьеру. И когда-нибудь своих детей хочу.

– А мы значит чужие, нас значит в прорубь, потому что вы своих хотите?

– Нет папа, – близнецы завелись – эта нам, как и та, – Ника ткнула дрожащим пальчиком в каждую из охотниц, на глазах навернулись слезы. Гений актерского мастерства! – не под-

ходят.

– Хильда, а ты говорила, что твоя родственница хорошая, говорила присмотритесь.

Переигрывают бесенята, как бы не завалиться. Я мельком глянула на Серджа и он все понял.

– Я в лабораторию, вы со мной?

У близнецов на мордашках вырисовалось искреннее удивление, а потом осознание и полное счастье. Это было так умирительно, я не удержалась и улыбнулась, глупо так, а потом посмотрела на шефа и увидела на его лицо такую же глупую и умирительную улыбку.

– Да! – Бесенята завизжали от счастья, подпрыгивали и что-то тараторили. Перспектива помагичить или хотя бы по-присутствовать. Подбежали к шефу смачно чмокнули его в обе щеки, от чего тот еще больше расплылся в счастливой улыбке. Посмотрели на меня, видимо заметили мокрые дорожки от слез на щеках и так зло посмотрели на ведьму, а потом обняли меня и тоже чмокнули в обе щеки. Подбежали к деду и зацеловали его. Лис собрала все книги, свои и близнецов, поцеловала отца, обняла меня, деда и ушла уводя младших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.